

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-33-60

Научная статья / Research paper

Н.В. Юдин*

О ЧЕМ ГОВОРЯТ И О ЧЕМ МОЛЧАТ УЧЕБНИКИ ПО ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (И ЧТО С ЭТИМ ДЕЛАТЬ)

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Теория является одновременно и высшей формой научного знания в любой дисциплине, ее своеобразным аттестатом зрелости, и ключом к ее системному познанию и преподаванию. С этой точки зрения международные исследования демонстрируют несколько парадоксальную картину. С одной стороны, в настоящий момент нет недостатка ни в теоретических исследованиях международно-политической проблематики, ни в учебниках по теории международных отношений (ТМО). С другой стороны, общим лейтмотивом последних остается идея, что международные исследования либо еще не обзавелись полноценной теорией, либо в силу своей сложности, динамичности и противоречивости не подлежат системному обобщению в принципе. Как следствие, знакомство с ТМО оказывается одинаково неудобным и для преподавателя, если он хочет не просто засыпать студентов терминами и фамилиями ученых, а научить их эффективно пользоваться существующими концепциями и подходами, и для обучающихся. Автор выдвигает гипотезу, что обозначенные трудности связаны не только с объективной сложностью международных процессов и проблем, но и с субъективными теоретико-методологическими и философскими особенностями самих учебников по ТМО. В целях проверки данной гипотезы в представленном исследовании критически проанализирована подборка современных российских и зарубежных

* Юдин Николай Вадимович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: yudinnv@my.msu.ru; ORCID: 0000-0003-2718-1780).

учебников по ТМО. В первой части статьи суммированы их ключевые достоинства, к числу которых следует отнести прежде всего то, что все они успешно выполняют информационно-образовательную функцию, знакомя читателя с содержанием ключевых подходов, школ и теорий, формирующих «тело» современной ТМО. Можно найти как учебники, рассчитанные на неподготовленную аудиторию и позволяющие составить первое впечатление о дисциплине, так и издания, содержащие углубленный анализ движущих сил и внутренней логики развития ТМО. В то же время, как показано во второй части статьи, все современные учебники по ТМО объединяет и ряд общих недостатков, которые можно условно разделить на методологические и общеполитические. К первым следует отнести общую неотрефлексированность логики изложения, отсутствие четких критериев структурирования материала и эксплицитно сформулированных принципов отбора подходов, подлежащих рассмотрению, ко вторым — опору на крайне шаткие философские основания, осознанно или нет воспроизводящие постмодернистские взгляды на проблемы онтологии и эпистемологии международных отношений и международных исследований. И именно с критического пересмотра этих общеполитических установок, по мнению автора, следует начинать поиск ключей к решению описанных проблем в преподавании ТМО и к формулированию теории международных отношений в строгом смысле этого слова.

Ключевые слова: теория международных отношений, международные исследования, методология, позитивизм, постмодернизм, постпозитивизм, реализм, конструктивизм, материализм

Для цитирования: Юдин Н.В. О чем говорят и о чем молчат учебники по теории международных отношений (и что с этим делать) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 4. С. 33–60. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-33-60.

Nikolay V. Yudin

TEXTBOOKS ON THE INTERNATIONAL RELATIONS THEORY: WHAT THEY TALK ABOUT, WHAT THEY KEEP SILENT ABOUT, AND WHAT TO DO ABOUT IT

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

Theory represents the highest form of scientific knowledge in any discipline, a sort of certificate of maturity of the latter, and, at the same time, the key to its

systematic teaching and understanding. From this point of view, international studies show a somewhat paradoxical picture. On the one hand, at the moment there is no shortage of either theoretical studies of international political issues or textbooks on the theory of international relations. On the other hand, their common leitmotif remains the idea that international studies either have not yet acquired a full-fledged theory, or, due to their inherent complexity, dynamism and inconsistency are not subject to systematic generalization in principle. As a result, teaching of the IR theory turns out to be equally inconvenient for the lecturers, if they want to not just bombard students with terms and personalities, but teach them to effectively use different concepts and approaches, and for students. The author argues that these difficulties stem not only from the objective complexity of international processes and problems, but also from the subjective theoretical, methodological and philosophical specifics of the textbooks on the IR theory. To substantiate this claim this paper examines a selection of modern Russian and foreign textbooks on IR theory. The first section summarizes their key advantages, which include, first of all, the fact that they all successfully perform an educational function, introducing the reader to the key approaches, schools and theories that form the 'body' of modern IR theory. In this regard, one can easily find both textbooks specially designed for an unprepared audience which provide an introduction to the discipline, and publications containing an in-depth analysis of the driving forces and internal logic of the IR theory development. At the same time, as shown in the second section, all modern textbooks on IR theory share a number of common shortcomings, which can be divided into methodological and philosophical ones. The former include not sufficiently substantiated logic of presentation, the lack of clear criteria for structuring the material and explicitly formulated principles for selecting approaches to be considered. The latter imply reliance on extremely shaky philosophical assumptions, which, consciously or not, reproduce post-modernist views on the problems of ontology and epistemology of international relations and international studies. And it is in a critical revision of these basic philosophical principles where, according to the author, lies the key to addressing the problems in both teaching the IR theory and formulating the theory of international relations in the strict sense.

Keywords: theory of international relations, international relations studies, methodology, positivism, postmodernism, postpositivism, realism, constructivism, materialism

About the author: *Nikolay V. Yudin* — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Process, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: yudinnv@my.msu.ru; ORCID: 0000-0003-2718-1780).

For citation: Yudin N.V. 2023. Textbooks on the international relations theory: What they talk about, what they keep silent about, and what to do about it. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 4, pp. 33–60. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-33-60. (In Russ.)

Курс по теории международных отношений (ТМО) едва ли принадлежит к числу самых популярных и востребованных у студентов-международников. Неслучайно многие учебники по ТМО начинаются с пространных разделов, в которых авторы, словно извиняясь, мучительно долго объясняют читателю, зачем ему всё-таки надо постараться пересилить себя и, пусть на мгновение, погрузиться в волшебный мир теории. В ход идут аргументы, достойные родителя капризного ребенка: да, неприятно, но надо; да, сложно, но всё в этой жизни сложно; ты что — не хочешь вырасти в серьезного ученого? [Алексеева, 2019b; Steans et al., 2010; George, 2012; Jørgensen, 2018; Kauppi, Viotti, 2020]. Для того чтобы удержать непоседливого школяра, некоторые авторы доходят в своих наставлениях до смешного (собираясь читать учебник по ТМО, убирайте подальше гаджеты, побольше спите и хорошо кушайте [International relations theory, 2017]) или опускаются уже до совсем ненаучных приемов вроде попыток донести содержание того или иного теоретического подхода через совместный просмотр художественных фильмов [Weber, 2010].

На наш взгляд, все эти расшаркивания избыточны и имеют эффект прямо противоположный задуманному, бросая тень на всю дисциплину и вскрывая ее фундаментальную неуверенность в себе, ее закомплексованность. Достаточно было бы сказать, что наличие теории — это признак, который отличает науку, научное знание от ненауки, знания обыденного или мистического. Соответственно если какой-то человек претендует на звание ученого-международника, то он не может не владеть теорией международных отношений.

Но дают ли такое знание современные учебники по ТМО? Дают ли они практическое знание, позволяющее студентам инструментализировать положения различных подходов, школ и теорий, разработанных в рамках ТМО?

Как представляется — нет. И в этом, а не в какой-то особой сложности или абстрактности предмета, не в какой-то особой неусидчивости студентов и тем более не в гаджетах, на самом деле,

кроется корень проблем с преподаванием теории международных отношений и ее восприятием слушателями.

Цель автора данной статьи состоит в том, чтобы выявить ключевые содержательные и методологические проблемы, присущие современным учебникам по ТМО, и обозначить пути к их преодолению.

Источниковую базу исследования составила достаточно широкая подборка учебников по ТМО, которая, не претендуя на всеохватность, тем не менее, включает как классические, выдержавшие не одно переиздание труды [Цыганков, 2003; Современные теории международных отношений, 2013; Бордачёв, 2015; Burchill et al., 2005; Каурри, Viotti, 2020], так и работы, представляющие оригинальные, авторские концепции [Лошкарёв, 2021; Jørgensen, 2018]; как отечественные, так и зарубежные издания, в том числе несколько учебников, написанных учеными из бывших советских республик [Черных, 2009; Karitonenko, 2022]. Таким образом, данную подборку можно считать достаточно репрезентативной.

В самом общем виде все использованные в настоящем исследовании учебники можно разделить на две условные группы в соответствии с тем, как их авторы трактуют понятие «теория» и какие цели они, следовательно, ставили перед собой. Первая группа включает издания, которые можно обозначить как учебники по ТМО в строгом смысле этого слова, т.е. как работы, призванные дать читателю системное знание о ключевых категориях и закономерностях, присущих *определенной области действительности*, в данном случае — международным отношениям [Введение в теорию международных отношений, 2001; Ломажин и др., 2001; Цыганков, 2003; Основы общей теории международных отношений, 2009; Ачкасов, Ланцов, 2011; Бордачёв, 2015; Нурышев, 2015; Алексеева, 2019b; Теория международных отношений, 2022; Ивонина, Ивонин, 2022; Steans et al., 2010; An introduction to international relations, 2012]. Вторая группа представлена работами, авторы которых исходили из расширительной трактовки термина «теория» как комплекса взглядов, представлений, идей, сформировавшегося в процессе изучения *определенной области действительности*. Иными словами, речь идет об учебниках, посвященных истории и современному состоянию *теоретических исследований* международных отношений [Теория международных отношений, 2004; Черных, 2009; Современная политическая наука,

2019¹; Новиков, 2019; International relations theory for the twenty-first century, 2007; Steans et al., 2010; Weber, 2010; International relations theory today, 2016; International relations theory, 2017; Kapitonenko, 2022].

Строго говоря, мы имеем дело с двумя совершенно разными исследовательскими и дидактическими задачами, и вторую группу работ вообще нельзя называть учебниками по ТМО. Правильнее (что, к слову, и делают многие авторы) обозначать их как учебники по «международно-политической мысли», «современным теориям международных отношений» и т.д. [Современные теории международных отношений, 2013; Алексеева, 2019а; Лошкарёв, 2021; Burchill et al., 2005]. Однако на практике сходств между двумя этими группами сейчас больше, чем различий, и объединяют их прежде всего общие проблемы и недостатки.

Но прежде чем говорить о них, следует сказать о достоинствах современных учебников по ТМО.

О чем говорят учебники по теории международных отношений

Прежде всего, все учебники по ТМО, как российские, так и зарубежные, прекрасно справляются с информационно-образовательной функцией, знакомя читателя с содержанием ключевых подходов, школ и теорий, формирующих «тело» современной ТМО. С этого начинаются практически все учебники независимо от того, в духе какой трактовки понятия «теория» они написаны. В этом отношении учебники можно снова условно разделить на две группы.

Первая представлена учебниками, авторы которых знакомят читателя с основными подходами и направлениями в ТМО через разбор взглядов их ключевых представителей. В этом случае авторы могут как предлагать свое видение этих взглядов, так и прямо «давать слово» соответствующим теоретикам, ограничиваясь более или менее подробным воспроизведением их ключевых тезисов [Ачкасов, Ланцов, 2011; Бордачёв, 2015; Нурышев, 2015; Алексеева, 2019а, 2019b; Новиков, 2019; Современная политическая наука, 2019; Лошкарёв, 2021; Kapitonenko, 2022].

¹ Формально данное издание не позиционируется ни как учебник, ни как работа по собственно теории международных отношений. Однако и содержательно, и по манере подачи материала оно полностью вписывается в обозначенную группу изданий. К тому же в коллектив авторов вошел целый ряд видных российских исследователей-международников.

Авторы второй группы учебников отталкиваются не от персоналий, а от ключевых проблем, составляющих содержательное ядро того или иного подхода. В этом случае читателю предлагается некая оригинальная авторская интерпретация сути рассматриваемых теорий (которые также могут называться «традициями», «парадигмами», «перспективами», «образами» и т.д. — в зависимости от предпочтений авторов учебников), что, с одной стороны, может помочь быстрее разобраться в хитросплетениях ТМО, поскольку речь идет об уже обработанной и отрефлексированной информации, готовых моделях и системах причинно-следственных связей; с другой — налагает на авторов дополнительную ответственность и ставит вопрос, в какой мере мы можем полагаться на представленную ими интерпретацию и почему нам следовало бы довериться ее создателям [Ломагин и др., 2001; Цыганков, 2003; Черных, 2009; Бордачев, 2015; Burchill et al., 2005; *International relations theory for the twenty-first century*, 2007; Steans et al., 2010; *International relations theory*, 2017; Kauppi, Viotti, 2020].

Так или иначе, российские и зарубежные учебники предлагают широчайшую палитру способов и моделей структурирования ТМО, способную удовлетворить самые разные категории читателей. Можно найти как учебники, содержащие лишь общий, краткий обзор ключевых подходов, позволяющий составить первое впечатление о дисциплине и рассчитанный на неподготовленного читателя [Основы общей теории международных отношений, 2009; Теория международных отношений, 2022; *International relations theory*, 2017]; так и издания, в которых представлены по-настоящему глубокие рассуждения о природе, философских основаниях и конкретно-исторических обстоятельствах появления тех или иных школ, концепций и понятий [Современные теории международных отношений, 2013; Современная политическая наука, 2019].

В целом можно отметить, что зарубежные учебники, как правило, описывают более широкий спектр подходов. Так, помимо классического набора из политического реализма (включая неореализм и неоклассический реализм), либерализма (в том числе неолиберализма), (нео)марксизма (часто не отдельно, а в рамках так называемой критической теории) и конструктивизма они в обязательном порядке содержат главы про постмодернизм (постпозитивизм/постструк-

турализм), почти всегда — про английскую школу и феминизм, всё чаще — про «зеленые» исследования [Burchill et al., 2005; Weber, 2010; Steans et al., 2010; International relations theory, 2017]. На этом фоне российские учебники и учебные пособия характеризуются сравнительно большим вниманием к цивилизационному подходу и геополитике [Ачкасов, Ланцов, 2011; Новиков, 2019; Современная политическая наука, 2019; Ивонина, Ивонин, 2022].

В этом контексте особенно хотелось бы отметить ряд учебников, авторы которых предлагают последовательно рассматривать все теоретические подходы по одной эксплицитно и четко сформулированной схеме, по одним и тем же параметрам и критериям [Burchill et al., 2005; Steans et al., 2010; Jørgensen, 2018; Kauppi, Viotti, 2020]. Как представляется, такой подход открывает возможности для проведения полноценного сравнительного анализа различных концепций в целях выявления их сильных и слабых сторон, что особенно важно с точки зрения понимания перспектив их практического применения. Используют ли эти возможности сами авторы учебников — вопрос отдельный.

Помимо предоставления общеобразовательной информации ряд авторов предпринимают попытку более углубленно проанализировать движущие силы и внутреннюю логику развития ТМО как самостоятельной научной дисциплины. В настоящий момент общим местом в российских и особенно в зарубежных учебниках является утверждение, что едва ли не главной отличительной характеристикой ТМО можно считать ее фундаментальную полемичность: и ее становление, и последующая эволюция, и современное состояние представляются как бесконечный водоворот споров, соперничества направлений и школ, попыток утверждения неких стандартов и канонов научного знания и их дальнейшего развенчания [Цыганков, 2003: 95; Новиков, 2019: 6; Теория международных отношений, 2022: 48–51; Алексеева, 2019b; Burchill et al., 2005; International relations theory for the twenty-first century, 2007; International relations theory today, 2016; Jørgensen, 2018; Kapitonenko, 2022]. В этом отношении, естественно, вспоминается образ «великих дебатов», который до сих пор нередко используется в качестве удобного способа структурирования изложения в учебниках по ТМО [Цыганков, 2003; Современные теории международных отношений, 2013; Теория международных отношений, 2022], хотя всё чаще подвергается кри-

тике как не соответствующий действительности или как минимум ведущий к ее чрезмерному упрощению [Теория международных отношений, 2004; Лошкарёв, 2021: 6–7; *International relations theory for the twenty-first century*, 2007: 3; Devetak, 2012: 11; *International relations theory today*, 2016: 21–22]. Так или иначе, эта полемичность создает впечатление, прямо разделяемое и ретранслируемое многими авторами, что в ТМО нет ничего устоявшегося, нет универсальных категорий, строгой исследовательской программы, общепринятого набора методов и т.д. На этом фоне особенно ценными представляются попытки отдельных авторов постараться внести всё же какую-то упорядоченность в этот хаос противоречивых мнений, выявить логику, лежащую в основе и предопределяющую общее направление дискуссий в среде ученых-международников.

Чаще всего эти попытки resultируют выводом, что за всем многообразием подходов, за всеми дискуссиями в ТМО скрывается один главный спор, связанный со столкновением двух философско-методологических парадигм: устоявшейся и господствующей в настоящий момент в международных исследованиях и новой, стремящейся бросить ей вызов. Первая обычно ассоциируется с традицией Просвещения и обозначается как позитивистская, вторая увязывается с философией постмодерна и соответственно называется постпозитивистской (интерпретативистской, критической) [Современные теории международных отношений, 2013; Steans et al., 2010; Devetak, 2012; George, 2012; Каурпи, Viotti, 2020]. К первой в учебниках относят политический реализм и либерализм со всеми их разновидностями, английскую школу и иногда (нео)марксизм; ко второй — постмодернизм, феминизм, постколониальные исследования международных отношений, иногда (нео)марксизм, а также конструктивизм. Впрочем, последний часто наделяют особым статусом: конструктивистам приписывают заслугу в нахождении «срединного пути», способного примирить две враждующие традиции, взяв от них всё лучшее и синтезировав это в качественно новую теорию международных отношений. Как следствие, конструктивизм часто трактуют (эксплицитно или имплицитно) как вершину, наивысшее достижение современной ТМО [Steans et al., 2010: 246; George, 2012: 32–33].

В ряде учебников также представлен иной вариант структурирования и концептуального осмысления логики развития ТМО — не

проблемный, как описано выше, а хронологический. Как правило, он в той или иной мере оказывается завязан на упомянутый образ «великих дебатов», хотя обычно и сопровождается оговорками и уточнениями, что этот образ может быть дезориентирующим, заставляя преувеличивать глубину противоречий между одними подходами и, напротив, затушевывая различия между другими. Так или иначе, он предполагает попытку систематизации подходов в ТМО по хронологии от более ранних к самым современным, которая может дополняться более или менее глубоким погружением в исторический контекст и обстоятельства возникновения отдельных направлений, теорий и концептов [Введение в теорию международных отношений, 2001; Цыганков, 2003; Теория международных отношений, 2004; Основы общей теории международных отношений, 2009; Ачкасов, Ланцов, 2011; Новиков, 2019; Burchill et al., 2005; George, 2012; Onuf, 2016; International relations theory, 2017; Jørgensen, 2018]. Данный подход обладает своими достоинствами, в частности, он может быть более понятен неподготовленному читателю. Однако, как будет показано далее, в случае с ТМО его использование представляется всё же проблематичным.

В целом же, если суммировать сказанное, получается, что ТМО как отдельное направление исследований и как системообразующая часть науки о международных отношениях не испытывает никаких проблем с обеспеченностью учебными материалами. Заинтересованный читатель без труда сможет найти удовлетворяющий его текущим потребностям учебник как на русском, так и, тем более, на английском языке. Все они в той или иной мере будут выполнять свою основную функцию: обеспечивать читателя надежной и выверенной информацией о базовых аспектах изучаемой дисциплины. Казалось бы, чего еще хотеть? Однако, как будет показано далее, за этим внешним благополучием скрывается целый пласт проблем. Какие-то из них авторы учебников по ТМО признают, о каких-то умалчивают.

О чем молчат учебники по теории международных отношений

Проблемы, в той или иной мере объединяющие все российские и зарубежные учебники по ТМО, можно очень условно разделить на методологические и общеполитические. Условность этого деления

объясняется тем, что все методологические проблемы в конечном счете имеют более глубокие философские причины, без понимания которых они сами не могут быть не то что решены, но даже осознаны.

Как было отмечено ранее, все учебники по ТМО либо начинаются с развернутых разделов, посвященных ключевым теоретическим подходам и направлениям, либо к ним целиком сводятся. И, повторимся, с содержательной точки зрения они обеспечивают читателя корректной информацией о рассматриваемых категориях, пусть и в разном объеме. Но с методологических позиций это изложение практически всегда оказывается в высшей степени проблематичным или как минимум дискуссионным.

Начать следует с того, что большинство авторов никак не объясняют выбор подходов и направлений, которые было решено включить в соответствующий учебник. Ни в одном издании не удалось найти сколько-нибудь развернутого и аргументированного описания принципов и критериев отбора подходов, подлежащих рассмотрению. В лучшем случае авторы объясняют свой выбор ссылками на некую традицию, устоявшуюся практику, никак, впрочем, не конкретизируя эту мысль [Ивонина, Ивонин, 2022: 6; Jørgensen, 2018: 12]. Как следствие, этот выбор всегда носит крайне волюнтаристичный, произвольный и субъективный характер, что плохо согласуется с требованиями жанра учебной литературы. И если в случае с частными теориями и школами их включение или исключение из изложения погоды не делает, то, например, отсутствие раздела про постмодернистские исследования (как к ним ни относиться) вызывает вопросы. Другой крайностью следует признать включение в структуру учебников тех или иных разделов не на основании их значимости для дисциплины и научной составляющей, а в угоду политической конъюнктуры. Ярким примером такого стремления угодить текущей культурно-идеологической повестке можно признать включение в некоторые западные издания отдельных разделов про так называемую квир-теорию международных отношений [International relations theory, 2017]. Таким же идеологизированным решением представляется выделение в отдельные главы в учебниках по ТМО «зеленых» исследований [Burchill et al., 2005; Weber, 2010; Steans et al., 2010; International relations theory, 2017]. При всей важности экологической проблематики в современных международных

отношениях она едва ли может составить самостоятельное направление в их *теории*. Так или иначе, на вопрос, почему в учебнике было решено рассмотреть именно такое количество подходов, ни больше ни меньше, их авторы хранят молчание.

Сразу следует оговориться: речь не идет о том, что все учебники в обязательном порядке должны содержать обзор всех без исключения, больших и малых, важных и не очень подходов, школ, теорий и т.д. Это совершенно необязательно. Но вот что всё-таки должно быть, хотя бы в минимальном объеме, — так это объяснение авторской концепции.

К этой методологической проблеме теснейшим образом примыкает другая — отсутствие каких бы то ни было внятных критериев классификации подходов, а значит, волюнтаризм при их группировке внутри разделов и глав. В этом отношении в учебниках по ТМО царят полнейший разброд и шатание. Феминизм, конструктивизм, постмодернизм, (нео)марксизм, английская школа то удаляются отдельных разделов, то перемешиваются друг с другом в самых немыслимых сочетаниях, проходя по категории «постпозитивистские/интерпретативные» подходы [Черных, 2009; Steans et al., 2010: 240; Каурпи, Viotti, 2020]. Помимо общего ощущения неразберихи, которое только усугубляется по мере знакомства со всё большим количеством учебников, возникает более фундаментальная методологическая проблема. Отсутствие ясно обозначенных классификационных критериев и признаков оборачивается тем, что авторы учебников оказываются не в состоянии четко разграничить направления, подходы и школы в ТМО по их масштабу и значению. Как следствие, в одном и том же разделе могут быть перемешаны совершенно разнопорядковые явления. Постмодернизм, объективно представляющий собой совершенно особый подход к концептуализации всей проблематики международных отношений, приравнивают к постколониальным исследованиям только на том основании, что их представители критически настроены к господствующим в ТМО воззрениям и традициям [Devetak, 2012: 13]. (Нео)марксизм то причисляют к позитивистским подходам наравне с политическим реализмом и (нео)либерализмом [Современные теории международных отношений, 2013: 7], то записывают к тем же постколониальным исследованиям, феминизму и постмодернизму в «критическую

теорию», опять-таки на том лишь основании, что его представители критикуют современное мироустройство [Devetak, 2012: 13]. Феминизм вообще не имеет сколько-нибудь четкой «прописки»: его то возвышают до уровня реальной альтернативы традиционным подходам, то перечисляют через запятую наравне с россыпью других направлений и течений. Можно было бы привести еще много подобных примеров (вокруг одной проблемы классификации конструктивизма сломано столько копий, что ей можно посвятить целую статью), однако в рамках данного исследования это было бы излишне. Здесь важно констатировать лишь то, что и на вопросы, по каким критериям и на каких основаниях можно группировать подходы в ТМО, учебники, как правило, также хранят молчание.

Проблему не решают и отмеченные попытки отдельных авторов проанализировать все рассматриваемые подходы по какой-то одной схеме, оценить по заданному набору критериев. Дело в том, что критерии эти сами обычно берутся «с потолка», никак не комментируются и, что особенно важно, не аргументируются. Как таковые различные авторские схемы, призванные придать содержательное единообразие главам, раскрывающим суть различных подходов, при всей своей теоретической полезности пока вызывают больше вопросов, чем дают ответов. Например, Дж. Стинс, Л. Петтифорд, Т. Диез и И. Эль-Анис утверждают, что все направления в ТМО строятся на определенном наборе базовых положений/установок и, именно опираясь на них, можно раскрыть содержание соответствующих подходов и теорий [Steans et al., 2010: 14–16]. Этот набор включает ответы на следующие вопросы:

- как в том или ином подходе трактуется человеческая природа?
- кто признается основным субъектом, ключевым актором международных отношений?
- как оценивается связь между внутри- и внешнеполитическими проблемами?
- что говорится о целях и возможностях человеческого познания?
- какие практические рекомендации формулируются?
- признается ли возможность изменения существующего порядка вещей?

Сами по себе эти вопросы представляются исключительно грамотными, однако непонятно, как авторы пришли к их формулиро-

ванию. Является ли этот перечень исчерпывающим и достаточным? Должен ли тот или иной подход в обязательном порядке содержать ответы на все эти вопросы или только на часть? Все ли они равнозначны или их можно разделить на более и менее важные?

Не меньше вопросов вызывают и связки между разделами и главами внутри них. Иными словами — общая логика, порядок изложения. Зачастую таких связок просто нет. Читателю, как правило, остается только гадать, почему подходы и направления представлены именно в таком порядке. Сгруппированы ли они по хронологическому принципу? Или по значимости/распространенности — от самых базовых и известных к более новым и/или маргинальным? Или речь идет о попытке проследить процесс *развития* научного знания о международных отношениях от первых, грубых трактовок ко всё более совершенным и точным теориям? Существует ли между этими подходами некая внутренняя органическая связь через преемственность или критику? Эти вопросы к логике изложения особенно остро стоят в отношении учебников, ограничивающихся лишь обзором существующих в ТМО подходов.

Кажется, что эти замечания совершенно неприменимы к учебникам, содержащим специальные разделы с описанием логики последующего изложения. Однако и эти разделы при ближайшем рассмотрении вызывают много нареканий. Обычно в них предлагается структурировать материал либо вокруг образа «великих дебатов», либо просто через общее описание основных подходов в соответствии с хронологией их появления. Оба варианта в исполнении авторов современных учебников по ТМО вызывают значительные нарекания.

Так, в случае с попыткой концептуализировать логику развития ТМО (и последующего изложения материала в учебнике) в виде череды масштабных дискуссий между представителями различных направлений, подходов и школ авторы, как правило, ограничиваются кратким описанием взглядов ключевых представителей упоминаемых подходов по поводу собственной позиции и позиции оппонентов (например, что неореалисты говорили про себя, про классический реализм и про дерзких конкурентов в лице неолибералов/постмодернистов/феминистов и т.д.) [Цыганков, 2003; Jørgensen, 2018]. С образовательной точки зрения это, безусловно, по-

лезно. Но что с этой информацией делать дальше? Такие описания, как правило, не сопровождаются авторским комментарием, кто же в итоге в этом споре оказался прав, как читателю относиться к высказанным аргументам, как работать с упоминаемыми концепциями. Иными словами, остается некоторая недосказанность, не позволяющая в полной мере оценить значение описываемых дебатов для дисциплины.

Еще хуже, даже чисто с дидактической точки зрения, когда авторы, прямо не заявляя о своей позиции, исподволь подталкивают читателя к тому, чтобы тот, сам того не осознавая, занял определенную сторону в описываемом споре. Как правило, речь идет о критикующем, «нападающем» подходе, который имплицитно преподносится как более правильный, глубокий или отвечающий здравому смыслу. В итоге часто, особенно в западных учебниках, именно постмодернистская позиция (как наиболее последовательно критическая) рисуется как самая перспективная в современных условиях [Burchill et al., 2005: 17–21; International relations theory for the twenty-first century, 2007: 4–7; Steans et al., 2010: 240; Devetak, 2012: 16].

Очень похожую и не менее искаженную картину дают в итоге и попытки структурировать материал по хронологическому принципу. Применительно к ТМО хронологически последовательное рассмотрение подходов представляется проблематичным в силу как минимум трех обстоятельств. Во-первых, если в случае с классическими подходами (классический реализм и либерализм, неореализм и неолиберализм, а также их производные) эта логика еще работает корректно, поскольку их можно достаточно точно датировать и, что более важно, непротиворечиво выстроить в последовательность от более ранних к более поздним, то со всеми остальными направлениями мысли она начинает откровенно сбоить. Как правильно датировать постмодернистские, феминистские, конструктивистские исследования? С момента их появления в принципе? Или с того периода, когда они проникли в ТМО? Или же со времени, когда они заняли в ней заметное место, перестав быть сугубо маргинальными течениями? В любом случае, с исторической точки зрения временной зазор между ними будет исчезающе мал, а значит, и попытки расположить новые подходы на временной шкале оказываются в конечном счете малоинформативными.

К этому следует добавить второе важнейшее обстоятельство, которое, к слову, признается всеми авторами: в ТМО мы не встретим ситуации, когда бы какой-то новый подход полностью ниспровергал, вытеснял или замещал предыдущие. Появление неореализма не привело к забвению классического реализма; постмодернизм, несмотря на весь его критический пафос, никак не пошатнул позиции самого неореализма. По факту каждый такой подход оброс некоторым количеством сторонников, занял определенную экологическую нишу в рамках международных исследований и не претендует на большее.

И здесь мы выходим на третье обстоятельство, которое делает все попытки концептуализировать изложение в учебниках по ТМО по хронологическому принципу не только проблематичным, но и попросту вредным. Дело в том, что они чреватy искусственным приписыванием ТМО того, чего в ней в действительности, возможно, и нет — прогрессивного поступательного *развития*. По самой своей природе принцип историзма, модель хронологически последовательного изложения материала пронизаны логикой прогресса. Приложенные к истории некоей науки, они имплицитно предполагают, что та качественно развивалась, что наши знания о соответствующей области действительности постепенно углублялись, совершенствовались, что мы переходили от менее полного знания об объекте к более полному. В силу этой имплицитной логики при хронологически последовательном изложении материала возникает искушение трактовать новые подходы как по умолчанию более совершенные, чем предыдущие. И многие авторы учебников по ТМО, осознанно или нет, поддаются этому искушению [George, 2012: 32–33].

Однако это вовсе не обязательно так. Как было отмечено ранее (и это, повторимся, признают все авторы), все ключевые направления и подходы, сформулированные в исследованиях международных отношений к настоящему моменту, благополучно сосуществуют друг с другом [Цыганков, 2003: 125–126; Лошкарёв, 2021: 22; International relations theory for the twenty-first century, 2007: 9; Devetak, 2012: 12, 18]. Уже поэтому о каком-то качественном развитии говорить оказывается проблематично. Пока мы можем с уверенностью констатировать лишь рост, расширение исследовательского поля ТМО. Но сопровождается ли оно качественным углублением нашего понимания содержания и закономерностей исследуемой области?

Этот вопрос остается как минимум спорным — хотя бы потому, что, как опять-таки признают едва ли не все авторы, разные подходы предлагают принципиально разные трактовки объекта, предмета, ключевых проблем ТМО, целей и задач ее изучения [Лошкарёв, 2021: 22; Steans et al., 2010: 242; Jørgensen, 2018: 28–29; Kauppi, Viotti, 2020: 13]. И именно эту разницу пока только и позволяют констатировать большинство современных учебников. Для того же, чтобы дать ей оценку (скрывает ли она за собой прогресс научного знания), нужно иметь возможность сравнить разные подходы. А вот такого полноценного сравнения современные учебники, что российские, что зарубежные, не дают.

Как не дают они в итоге и системного объяснения логики развития ТМО (если оно, это развитие, было), системного понимания взаимосвязи, соотношения составляющих ее подходов. Иными словами, читателя знакомят с более или менее подробным описанием современного состояния дисциплины, но не объясняют ее содержания, закономерностей. Именно этим обусловлены трудности, которые возникают у студентов-международников, когда перед ними встает задача применить на практике почерпнутые из учебников по ТМО знания. Они получают знание, принципиально оторванное от практики, и не получают ключей к тому, как это знание всё-таки инструментализировать.

Признают ли эту проблему авторы учебников? Как представляется, в той или иной мере — да. Косвенным подтверждением этого являются ставшие общим местом рассуждения в российских и зарубежных учебниках по ТМО о том, что объект и предмет дисциплины очень сложны для понимания и едва ли подлежат строгому определению [Цыганков, 2003: 20; Теория международных отношений, 2022: 16–24]. Именно этой имманентной сложностью, неуловимостью изучаемого феномена объясняется отсутствие определенности в рассуждениях самих авторов. Более того, констатация этой неопределенности представляется как выражение высшей мудрости: дескать, это не недостаток, а, наоборот, проявление разумной скромности перед лицом бесконечно сложной и постоянно меняющейся действительности; дескать, любая попытка упорядочить ее, ввести в более-менее строгие концептуальные рамки была бы слишком дерзкой и самонадеянной, означала бы насилие над реальностью,

попытку искусственно привнести порядок и смысл туда, где им нет места. Поэтому вместо четкого определения объекта и предмета ТМО учебники, как правило, предлагают читателю палитру мнений — как на этот вопрос отвечают разные авторитетные теоретики, представители различных подходов. Причем зачастую этот перечень определений никак не комментируется. Читателю остается гадать, какое из них лучше, какое — хуже, какого придерживается сам автор учебника. В лучшем случае можно увидеть попытку скомпилировать из нескольких определений одно, рабочее, усредненное [Цыганков, 2003: 21–26; Теория международных отношений, 2004]. Но и эти усилия приходится мимо цели — в действительности они ничего не говорят и не могут сказать о том, каковы объект и предмет ТМО, поскольку сводятся к компиляции в различных сочетаниях описаний ряда внешних признаков, внешних проявлений международных отношений. Как таковые они могут помочь приблизиться к пониманию того, *о чем* должна быть ТМО, но не того, *что* составляет ее суть и содержание [Теория международных отношений, 2022: 15–16; Burchill et al., 2005: 13–15].

А раз нет и не может быть четкого определения объекта и предмета ТМО, то нет и не может быть какой-то одной, правильной трактовки ее содержания, а значит, нет и не может быть какой-то одной, правильной теории международных отношений в узком смысле этого слова. Из данного рассуждения логично следует, что единственным нормальным и естественным состоянием ТМО являются принципиальная незавершенность, полемичность, дискуссионность [Алексеева, 2019b: 64–69, 73; Ивонина, Ивонин, 2022: 10–11; Теория международных отношений, 2022: 51; International relations theory for the twenty-first century, 2007: 4–9; International relations theory today, 2016: 22]; что нет и не может быть какого-то одного, правильного подхода к концептуализации ее содержания; что составляющие ее подходы нельзя сравнивать в категориях лучше/хуже, поскольку нет и не может быть некой архимедовой точки опоры, твердых оснований, относительно которых можно было бы провести такое сравнение. Есть теории — абсолютно равноценные, равноправные и несопоставимые в своей уникальности и самобытности [Алексеева, 2019b: 95; Burchill et al., 2005: 23–24; International relations theory for the twenty-first century, 2007: 9; Steans et al., 2010: 240].

Высшей мудростью в этих условиях признается просто освоение как можно большего числа разных подходов, что должно наделить исследователя широтой взглядов, вооружить его максимально богатым арсеналом концепций и методик, предостеречь от категоричных и радикальных суждений [Steans et al., 2010: 246; International relations theory, 2017]. А главной рекомендацией студенту-международнику в ответ на вопрос, что с этим всем делать на практике, становится насколько правильный, настолько и малополезный тезис, что надо сообразовывать свой теоретико-методологический аппарат с целями и задачами своего исследования [Burchill et al., 2005: 28].

Эта, казалось бы, логичная и убедительная с точки зрения здравого смысла теоретическая позиция и призвана объяснить читателю отсутствие в учебниках по ТМО последовательного критического анализа существующих подходов, направлений и школ и, как следствие, отсутствие четких объяснительных моделей и рекомендаций по инструментализации теоретического знания, выдавая эти недостатки за естественное положение вещей или даже за достоинства.

Проблема с этой позицией даже не в том, что она представляет собой попытку сделать хорошую мину при плохой игре (она и с этой задачей не справляется, да и не может справиться). Дело в том, что практически все авторы учебников по ТМО, сколько бы ни писали о том, что нет и не может быть какой-то одной, правильной теории международных отношений, что есть множество равноценных теорий и надо просто в них хорошо разбираться, в конце концов вынуждены на какой-то одной теории останавливаться, какой-то один подход выбирать, чтобы иметь возможность рассуждать о ключевых понятиях и категориях дисциплины. Действительно, реалисты, конструктивисты, постмодернисты и, например, марксисты смотрят на все, в том числе базовые, категории международных исследований, такие как сила, власть, государство, безопасность, суверенитет и т.д., совершенно по-разному. Эти взгляды невозможно примирить, сформулировав какое-то нейтральное, устраивающее всех определение. Выбор придется делать, на чью-то сторону придется встать. Альтернативой может быть опять-таки лишь простое описание позиций каждой упоминаемой школы мысли, снова предлагающее читателю самому решать, что ему ближе [Черных, 2009; Бордачёв, 2015; An introduction to international relations, 2012]. Но такой под-

ход встречается всё же сравнительно редко. Гораздо чаще авторы открыто или исподволь занимают какую-то конкретную позицию. В российских учебниках по ТМО это, как правило, вполне осознанный или стихийный реализм [Ломагин и др., 2001; Цыганков, 2003; Основы общей теории международных отношений, 2009; Ачкасов, Ланцов, 2011; Ивонина, Ивонин, 2022: 6], в западных — осознанный или стихийный постмодернизм [International relations theory for the twenty-first century, 2007; Steans et al., 2010; Kapitonenko, 2022]. И в том, и в другом случае этот выбор в нынешнем виде никак нельзя признать удовлетворительным.

Отечественные учебники вызывают в этом плане гораздо меньше нареканий. Российские исследования международных отношений не получили такой же сильной прививки постмодернизмом, как западные, поэтому они в большей степени стоят на позициях «нормальной» науки, приближенной к нуждам практической экспертно-аналитической работы. Сказывается и сохраняющаяся инерция марксистской традиции [Ломагин и др., 2001: 10; Цыганков, 2003: 19; Теория международных отношений, 2004]. Российские авторы учебников по ТМО не ставят под сомнение наличие объективной реальности, доступной человеческому познанию, не отрицают существования различных объектов международных отношений, обладающих собственными, не зависящими от наблюдателя характеристиками. В центре внимания в полном соответствии с реалистической традицией оказываются национальные государства, действующие в анархической среде. Этим объясняется повышенное внимание к проблемам национальной безопасности, стратегической стабильности и суверенитета. Всё это интуитивно понятно и, наверное, для жанра учебной литературы вполне уместно. Главной проблемой тут следует назвать всё ту же недосказанность. Этот выбор в пользу реалистской традиции был бы гораздо более корректным, если бы он был сделан (1) эксплицитно и (2) аргументированно. Иными словами, во всех отношениях правильно было бы, если бы авторы таких учебников сразу объяснили читателю, почему они считают реалистский подход единственно верным или просто оптимальным, почему именно в духе реалистской традиции они будут трактовать ключевые понятия и категории. Сейчас же этот выбор в пользу реализма в лучшем случае иногда открыто декларируется, но не

аргументируется. Обычно же нет и этого. А такая недосказанность при наличии пространных рассуждений о том, что нет и не может быть одной, правильной теории, что все подходы хороши — выбирай любой, выглядит как нечестный прием, как попытка исподволь, под шумок протащить свою точку зрения так, чтобы и читатель ничего не заподозрил, и с представителями других направлений спорить не пришлось.

С зарубежными, прежде всего западными, учебниками по ТМО ситуация обстоит гораздо хуже. Их авторы, все без исключения, разделяют тезис, что в ТМО в принципе не может быть какой-то одной, правильной теории. Этот тезис, без преувеличения, стал уже настоящим символом веры для западных ученых. Он буквально вдалбливается читателю с первых страниц и дальше повторяется на разные лады с упорством, достойным лучшего применения. Причем западные авторы не останавливаются на утверждении, что одной, правильной теории быть не может, что есть множество самобытных и совершенно несопоставимых и не подлежащих сравнению перспектив (образов/парадигм/мировоззрений) [Burchill et al., 2005: 28; Steans et al., 2010: 240; Weber, 2010: 2–8; Kapitonenko, 2022: 1–2]. Они идут дальше, утверждая, что каждая теоретическая позиция не только предполагает свой специфический набор ответов на ключевые вопросы ТМО и обладает своей особой исследовательской программой, но и определенным образом *конструирует и взгляды исследователя, и исследуемый им объект* [International relations theory for the twenty-first century, 2007: 2; Steans et al., 2010: 11, 240; Jørgensen, 2018: 29; Kauppi, Viotti, 2020: 13–14; Kapitonenko, 2022: 3]. Иными словами, речь идет о том, что не существует независимой от исследователя объективной реальности, что наше знание не только всегда субъективно, нагружено в нормативно-ценностном и политико-идеологическом отношении [Kauppi, Viotti, 2020: 15], но и что оно постоянно участвует в создании окружающей действительности, наделении ее смыслом и через это — бытийным статусом.

Эти рассуждения одновременно исключительно показательны и очень парадоксальны. Показательны они потому, что со всей отчетливостью обнажают философские основания теоретико-методологических конструкций западных учебников по ТМО вообще и указанного тезиса о невозможности выведения какой-то одной,

универсальной, правильной теории международных отношений в частности (тезиса, некритично ретранслируемого и многими российскими авторами). Речь идет о философии постмодерна, представляющей собой вариант субъективно-идеалистической философской традиции. С онтологической точки зрения постмодернизм строится на отрицании существования объективной реальности до и вне человеческого сознания (быть — значит быть представленным в дискурсе). С позиции эпистемологии он провозглашает субъективность и неизбывную политизированность любого человеческого знания, в том числе научного (фуконианская связка «власть — знание»). Из этих философских установок прямо вытекает идея о самоценности и имманентной несопоставимости научных теорий: они изображаются как субъективные, а потому уникальные и не подлежащие полноценному сравнению точки зрения, мнения, образы, нарративы. С ними можно соглашаться или нет (прежде всего по морально-этическим соображениям), но их нельзя оценивать в категориях лучше/хуже, их бессмысленно пытаться опровергать.

Именно эта постмодернистская философия прямо или косвенно, в большей или меньшей степени формирует теоретико-методологический фундамент едва ли не всех современных западных учебников по ТМО. Проблема здесь, как и в случае со стихийно реалистскими воззрениями авторов российских учебников, в том, что эта философская позиция редко эксплицитно заявляется. Тем самым читателю снова пытаются исподволь, исподтишка, под соусом благообразных рассуждений об опасностях догматизма, о необходимости плюрализма мнений, о чрезвычайной сложности и необозримости проблем, составляющих предмет международных исследований, внушить, что этот образ, это видение ТМО являются единственно верными [Weber, 2010: XX–XXII, 2–8; International relations theory for the twenty-first century, 2007: 4; Steans et al., 2010: 246; George, 2012: 25–26]. То, что по факту представляет собой специфические философско-методологические установки одного, совершенно конкретного подхода в теории международных отношений, внезапно возводится в ранг абсолютной истины. И в этом заключена удивительная парадоксальность философии постмодернизма вообще и постмодернистских подходов в ТМО в частности. Без конца обвиняя традиционные подходы в догматизме, фундаментализме, нетерпимости к критике

и иному мнению, в косности и зашоренности, постмодернисты сами, словно в какой-то дурной антиутопии, своими руками создают и насаждают очень жесткий и не терпящий возражений канон, в основе которого ряд принимаемых на веру аксиом. Идея, что нет и не может быть единственно правильной ТМО, приобретает статус единственно правильной точки зрения. Утверждение, что различные подходы нельзя полноценно сравнить, оценить их практическую эффективность, не подлежит обсуждению.

Во всей этой ситуации, сложившейся в области изучения ТМО, также скрыт парадокс, но уже имеющий позитивный характер. В тех самых проблемах, которые позволяет выявить критический анализ современных учебников по ТМО, таится, как представляется, и ключ к их возможному решению.

Что с этим делать

Для начала следует признать, что полноценной науки о международных отношениях к настоящему моменту так и не сложилось. Именно об этом говорит всё содержание современных учебников по ТМО. Но это не повод впадать в уныние — наоборот. Анализ представленной учебной литературы позволяет заключить, что причина вовсе не в какой-то невиданной и немыслимой сложности их предмета (это вообще, откровенно говоря, достаточно снобистский, если не сказать хамский, тезис: можно подумать, физика, химия, психология или, допустим, история имеют дело с не в пример более простыми и понятными предметами), а в несовершенстве существующих подходов к его изучению. Таким образом, перед современными исследователями открыты все возможности внести по-настоящему важный вклад в процесс становления новой науки.

Следует признать далее, что все основные признанные подходы к концептуализации международных отношений в значительной мере исчерпали свой позитивный потенциал, что все они, равно как и все, казалось бы, аксиоматические, самоочевидные и не нуждающиеся в дополнительном обосновании положения, на самом деле подлежат критическому анализу, могут быть пересмотрены или отвергнуты полностью. Прежде всего, нужно поставить под вопрос идею о невозможности полноценного сравнения различных подходов, направлений и школ, их критической оценки с точки зрения эффективности, целесообразности, обоснованности. А это

в свою очередь означает поставить под вопрос тезис об отсутствии твердых оснований, той самой архимедовой точки опоры, относительно которой можно выстроить систему объективных критериев и принципов для такого сравнения. Для этого нужно для начала твердо, не на словах, а на деле признать существование объективной, не зависящей от человеческого сознания действительности. Только после этого можно осмысленно ставить вопрос о формулировании строгих определений объекта и предмета дисциплины, ее ключевых понятий и категорий. Только так можно будет преодолеть существующий разрыв между ТМО и практикой, по-настоящему эффективно инструментализировать имеющийся теоретический задел и обеспечить его качественное развитие.

Альтернативой этому поиску, болезненному и, вполне вероятно, неблагоприятному, будут дальнейшее нарастание кризисных тенденций в ТМО, уже вполне проявившихся, дальнейшая фрагментация исследовательского поля дисциплины и в конце концов превращение ее в своеобразную «игру в бисер»: занятное интеллектуальное упражнение, полностью оторванное от жизни.

В этом контексте российские исследователи, как представляется, находятся в гораздо более выигрышном положении, чем их западные коллеги: как было отмечено, они в меньшей степени оказались подвержены влиянию постмодернистских идей, у них нет той болезненно-аллергической реакции на материалистическую философию, которая укоренилась в западном академическом сообществе. Как знать, может быть, именно российские ученые возведут международные исследования в ранг науки?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): политическая теория и международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2019.
2. Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2019.
3. Ачкасов В.А., Ланцов С.А. Мировая политика и международные отношения: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2011.
4. Бордачёв Т.В. Теория международных отношений в XXI веке: Учебник. М.: Международные отношения, 2015.
5. Введение в теорию международных отношений: Учебное пособие / Отв. ред. А.С. Маныкин. М.: Изд-во МГУ, 2001.

6. Ивонина О.И., Ивонин Ю.П. Теория международных отношений: Учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022.
7. Ломагин Н.А., Кузнецов В.Е., Лисовский А.В. и др. Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие. СПб.: Сентябрь, 2001.
8. Лошкарёв И.Д. Международно-политическая мысль: от истоков к современности: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2021.
9. Новиков С.С. Теория и история международных отношений: Учебное пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019.
10. Нурышев Г.Н. Теория международных отношений: Учебное пособие. СПб.: СПбГЭУ, 2015.
11. Основы общей теории международных отношений: Учебное пособие / Под ред. А.С. Манькина. М.: Изд-во МГУ, 2009.
12. Современная политическая наука: методология / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М.: Аспект Пресс, 2019.
13. Современные теории международных отношений: Учебник / Под ред. В.Н. Коньшева, А.А. Сергунина. М.: Проспект, 2013.
14. Теория международных отношений: Учебник для вузов / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Юрайт, 2022.
15. Теория международных отношений: Учебное пособие: В 2 т. / Под общ. ред. О.А. Колобова. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов. Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004.
16. Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2003.
17. Черных И.А. Теории международных отношений: Учебное пособие для специальностей «Международные отношения», «Регионоведение» и «Политология». Алматы: Казак университети, 2009.
18. Burchill S., Linklater A., Devetak R. et al. Theories of international relations. 3rd ed. New York: Palgrave Macmillan, 2005.
19. Devetak R. An introduction to international relations: The origins and changing agendas of a discipline // An introduction to international relations / Ed. by R. Devetak, A. Burke, J. George. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 1–20.
20. George J. International relations theory in an age of critical diversity // An introduction to international relations / Ed. by R. Devetak, A. Burke, J. George. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 22–34.
21. International relations theory / Ed. by S. McGlinchey, R. Walters, C. Scheinpfug. Bristol: E-International Relations Publishing, 2017.
22. International relations theory for the twenty-first century: An introduction / Ed. by M. Griffiths. London: Routledge, 2007.
23. International relations theory today / Ed. by K. Booth, T. Erskine. 2nd ed. Cambridge: Polity Press, 2016.

24. An introduction to international relations / Ed. by R. Devetak, A. Burke, J. George. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
25. Jørgensen K.E. International relations theory. A new introduction. 2nd ed. London: Palgrave, 2018.
26. Kapitonenko M. International relations theory. New York: Routledge, 2022.
27. Kauppi M.V., Viotti P.R. International relations theory. 6th ed. Lanham; Boulder: Rowan & Littlefield, 2020.
28. Onuf N. Five generations of IR theory // International relations theory today / Ed. by K. Booth, T. Erskine. 2nd ed. Cambridge: Polity Press, 2016. P. 46–67.
29. Steans J., Pettiford L., Diez T., El-Anis I. An introduction to international relations theory. Perspectives and themes. 3rd ed. Harlow: Pearson Education Limited, 2010.
30. Weber C. International relations theory: A critical introduction. 3rd ed. New York: Routledge, 2010.

REFERENCES

1. Alekseeva T.A. 2019a. *Sovremennaya politicheskaya mysl' (XX–XXI vv.): politicheskaya teoriya i mezhdunarodnye otnosheniya* [Contemporary political thought (20th — 21st centuries): Political theory and international relations]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)
2. Alekseeva T.A. 2019b. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii kak politicheskaya filosofiya i nauka: Uchebnoe posobie dlya vuzov* [International relations theory as political philosophy and science: A college handbook]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)
3. Achkasov V.A., Lantsov S.A. 2011. *Mirovaya politika i mezhdunarodnye otnosheniya: Uchebnik* [World politics and international relations: A textbook]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)
4. Bordachev T.V. 2015. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v XXI veke: Uchebnik* [International relations theory in the 21st century: A textbook]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)
5. Manykin A.S. (ed.) 2001. *Vvedenie v teoriyu mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnoe posobie* [An introduction to international relations theory: A handbook]. Moscow, Moscow University Press Publ. (In Russ.)
6. Ivonina O.I., Ivonin Yu.P. 2022. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnik dlya vuzov* [International relations theory: A college textbook]. Moscow, Yurait Publ. (In Russ.)
7. Lomagin N.A., Kuznetsov V.E., Lisovskii A.V. et al. 2001. *Vvedenie v teoriyu mezhdunarodnykh otnoshenii i analiz vnesheinei politiki: Uchebnoe posobie* [An introduction to international relations theory and foreign policy analysis: A handbook]. Saint Petersburg, Sentyabr Publ. (In Russ.)

8. Loshkarev I.D. 2021. *Mezhdunarodno-politicheskaya mysl': ot istokov k sovremennosti: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [International political thought: From origins to the present: A college handbook]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

9. Novikov S.S. 2019. *Teoriya i istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnoe posobie* [Theory and history of international relations: A handbook]. Vladimir, VIGU Publ. (In Russ.)

10. Nuryshchev G.N. 2015. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnoe posobie* [International relations theory: A handbook]. Saint Petersburg, SPbGEU Publ. (In Russ.)

11. Manykin A.S. (ed.). 2009. *Osnovy obshchei teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnoe posobie* [Fundamentals of the general theory of international relations: A handbook]. Moscow, Moscow University Press Publ. (In Russ.)

12. Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I. (eds.). 2019. *Sovremennaya politicheskaya nauka: metodologiya* [Contemporary political science: A methodology]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

13. Konyshchev V.N., Sergunin A.A. (eds.). 2013. *Sovremennye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnik* [Contemporary theories of international relations: A textbook]. Moscow, Prospekt Publ. (In Russ.)

14. Tsygankov P.A. (ed.). 2022. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnik dlya vuzov* [International relations theory: A college textbook]. Moscow, Yurait Publ. (In Russ.)

15. Kolobov O.A. (ed.). 2004. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnoe posobie: V 2 t. T. 1. Evolyutsiya kontseptual'nykh podkhodov* [International relations theory: A handbook. In 2 vols. Vol. 1. Evolution of conceptual approaches]. Nizhnii Novgorod, FMO NNGU Publ. (In Russ.)

16. Tsygankov P.A. 2003. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnoe posobie* [International relations theory: A handbook]. Moscow, Gardariki Publ. (In Russ.)

17. Chernykh I.A. 2009. *Teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnoe posobie* [Theories of international relations: A handbook]. Almaty, Kazakh universiteti Publ. (In Russ.)

18. Burchill S., Linklater A., Devetak R. et al. 2005. *Theories of international relations*. 3rd ed. New York, Palgrave Macmillan.

19. Devetak R. 2012. An introduction to international relations: The origins and changing agendas of a discipline. In: Devetak R., Burke A., George J. (eds.). *An introduction to international relations*. 2nd ed. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 1–20.

20. George J. 2012. International relations theory in an age of critical diversity. In: Devetak R., Burke A., George J. (eds.). *An introduction to international relations*. 2nd ed. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 22–34.

21. McGlinchey S., Walters R., Scheinpflug C. (eds.). 2017. *International relations theory*. Bristol, E-International Relations Publishing.
22. Griffiths M. (ed.). 2007. *International relations theory for the twenty-first century: An introduction*. London, Routledge.
23. Booth K., Erskine T. (eds.). 2016. *International relations theory today*. 2nd ed. Cambridge, Polity Press.
24. Devetak R., Burke A., George J. (eds.). 2012. *An introduction to international relations*. 2nd ed. Cambridge, Cambridge University Press.
25. Jørgensen K.E. 2018. *International relations theory. A new introduction*. 2nd ed. London, Palgrave.
26. Kapitonenko M. 2022. *International relations theory*. New York, Routledge.
27. Kauppi M.V., Viotti P.R. 2020. *International relations theory*. 6th ed. Lanham, Boulder, Rowan & Littlefield.
28. Onuf N. 2016. Five generations of IR theory. In: Booth K., Erskine T. (eds.). *International relations theory today*. 2nd ed. Cambridge, Polity Press, pp. 46–67.
29. Steans J., Pettiford L., Diez T., El-Anis I. 2010. *An introduction to international relations theory. Perspectives and themes*. 3rd ed. Harlow, Pearson Education Limited.
30. Weber C. 2010. *International relations theory: A critical introduction*. 3rd ed. New York, Routledge.

Статья поступила в редакцию 27.08.2023; одобрена после
рецензирования 14.09.2023; принята к публикации 20.01.2024

The paper was submitted 27.08.2023; approved after reviewing 14.09.2023;
accepted for publication 20.01.2024